

Громикова Ольга Евгеньевна

ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.: ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА

Статья раскрывает особенности социального состава дореволюционного суда присяжных в Пензенской губернии в динамике его развития. Особое внимание уделяется анализу причин преобладания представителей той или иной категории населения в составе присяжных заседателей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 70-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PROFESSIONAL ETHICS ESSENCE IN THE CONTEXT OF ITS PRIORITIES, NORMS AND VALUES IN THE SPHERE OF MANAGEMENT

Yurii Vladimirovich Gordov

*Department of History, Philosophy and Culturology
Novomoskovsk Institute of Russian Chemical-Technological University named after D. I. Mendeleev
youriy34@mail.ru*

The author studies professional ethics as the set of the conduct rules of the particular social group, namely management companies, mentions that people, managers, working in service industry, medicine, education, where activity is related to direct human contact and where moral requirements are imposed, more often face the necessity of professional ethics standards observations and concludes that professional ethics develops together with management development and now the principles and norms of managers' professional ethics should be already fixed at legislative level.

Key words and phrases: professional ethics; management ethics; moral attitudes in company team; corporate code of conduct.

УДК 340(09)(470)

Статья раскрывает особенности социального состава дореволюционного суда присяжных в Пензенской губернии в динамике его развития. Особое внимание уделяется анализу причин преобладания представителей той или иной категории населения в составе присяжных заседателей.

Ключевые слова и фразы: суд присяжных; цензы; комиссии по составлению списков присяжных; социальный состав; абсентеизм.

Ольга Евгеньевна Громикова

*Кафедра «Государственно-правовые дисциплины»
Пензенский государственный университет
gadfly1984@mail.ru*

ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА®

Суд присяжных как институт процессуального права представляет собой соединение для судебного разбирательства двух равноправных, но раздельных, не сливающихся между собой коллегий: судей-профессионалов и представителей общества, действующих совместно, но строго в пределах возложенных на них законом полномочий. Впервые этот правовой институт был введен в нашей стране в результате судебной реформы 1864 года.

Проблема социального состава какого-либо государственного или общественного института чрезвычайно важна, от него напрямую зависит его характер, облик в глазах общества и государства. От социального состава народного жюри в суде зависит также и эффективность работы суда, и его репрессивность.

Так же как Пензенская губерния в целом в силу своего местоположения, национального и религиозного состава отличалась от других губерний России, так и набор присяжных здесь имел некоторые специфические черты, свойственные как остальным провинциальным губерниям, так и только ей одной.

Для того чтобы разобраться, готово ли население губернии к введению новых институтов судебной системы и непосредственно к возможности стать присяжными заседателями, нужно в полной мере представлять, чем жил этот регион во второй половине XIX века.

Пензенская губерния в рассматриваемый период представляла собой обычную российскую аграрную провинцию, «глубинку» России. Основными темами, освещавшимися в официальной местной прессе Пензенской губернии, были: высокая детская и младенческая смертность среди крестьян, приготовление хлеба без ржи и пшеницы в неурожайные годы, определение молочности коровы и стати скаковой лошади [8]. Публикации, посвященные вопросам судопроизводства, были достаточно редки. Большей частью юридический отдел в «Пензенских губернских ведомостях» представлял собой список дел, назначенных к слушанию на ближайшие числа месяца. То есть происходящие в судебной системе изменения на момент начала формирования списков присяжных не были объектом пристального внимания местного населения.

Ко времени начала действия суда присяжных в Пензенской губернии уже достаточно долго были открыты судебные заседания, хотя уровень рассматриваемых дел был не очень высок: бытовые кражи, пьяные драки. И хотя общепризнанно, что «проходившие открыто судебные слушания с участием присяжных способствовали изменению обыденного правосознания, правовой грамотности населения» и «имели большое воспитательное значение» [13, с. 2], сложно сказать, что именно такое воздействие оказывали на население большая часть судебных процессов, рассматривавшихся в Пензенской губернии. Очевидно лишь одно: суд так или иначе стал «ближе» и доступнее обычным людям.

Анализируя первые из составленных в Пензе списков присяжных, с уверенностью можно сказать, что работа по формированию скамьи присяжных была начата очень тщательно и старательно. Списки составлялись достаточно подробно, и содержащейся в них информации было вполне достаточно, чтобы оценить правильность внесения в них жителей Пензенской губернии.

С начала деятельности суда присяжных и до 1887 года для внесения в списки кандидатов не существовало образовательного ценза. В связи с тем, что общий уровень грамотности среди населения был низким, в списках присяжных зачастую большинство составляли люди, не знающие грамоты. Так, в очередном списке по Керенскому уезду за 1871 год из 100 присяжных грамотны лишь 24 [9, с. 2], по Чембарскому – из 200 – 54 [10, с. 3]. Несмотря на то, что староста присяжных обязан быть грамотным, общая неграмотность жюри вряд ли могла положительно сказываться на качестве принимаемого присяжными решения. Они были лишены возможности делать какие-то заметки в ходе судебного процесса, знакомиться с письменными доказательствами.

Но неграмотность присяжных, как уже отмечалось, отражает, прежде всего, общую безграмотность населения. Гораздо интереснее рассмотреть социальный состав присяжных Пензенской губернии в динамике его изменений.

Диаграмма составлена на основании: Списки очередных присяжных заседателей по Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1876-1877 гг.

Как мы видим, в 1877 году основную массу присяжных – 69% составляли крестьяне, 10% – чиновники, по 7% – купцов и мещан. Количество дворян, военных и почетных граждан очень незначительно.

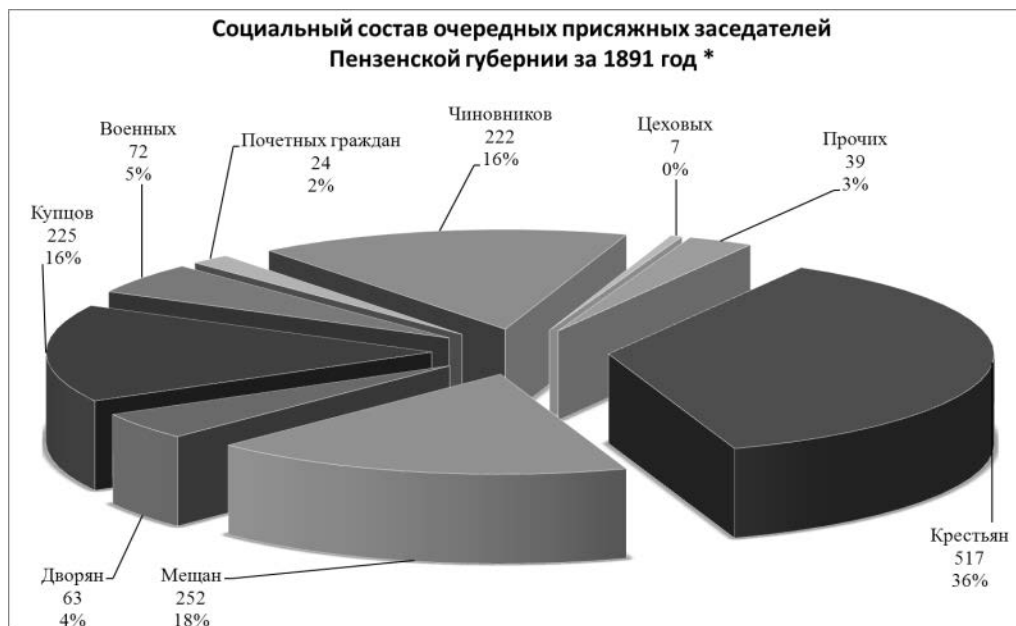
Приблизительно такое соотношение сохранялось до конца 80-х годов XIX века.

Следовательно, среднестатистическим присяжным 70-80-х годов (до введения ценза грамотности) был неграмотный крестьянин.

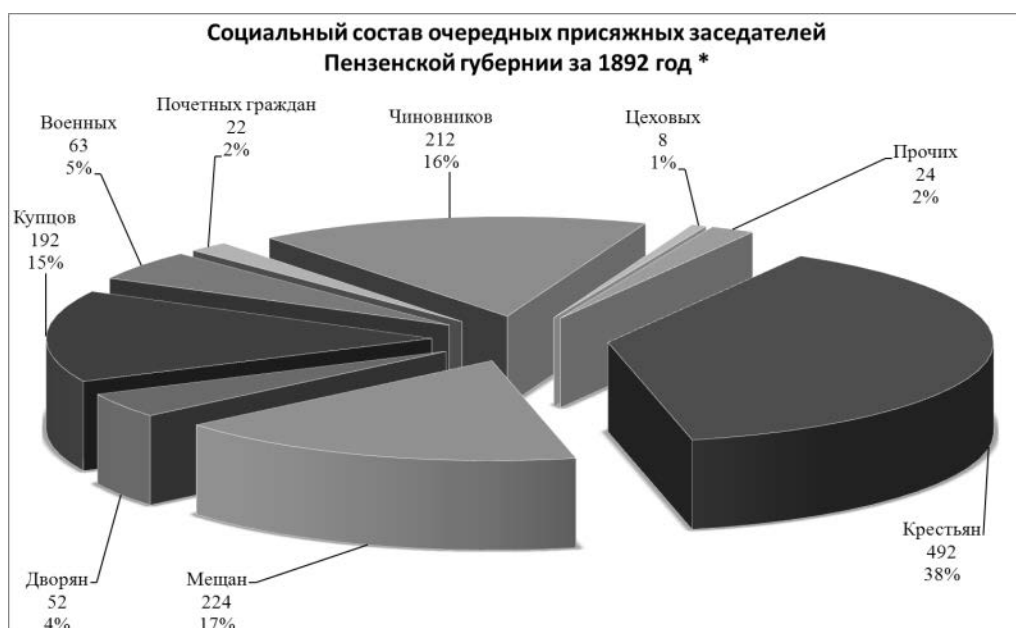
К концу семидесятых годов значительно ухудшилось качество составления общих и очередных списков присяжных заседателей. Из них исчезли почти все данные, позволяющие, глядя на один только список, установить правильность внесения в него той или иной кандидатуры. Пропали графы «возраст», «оседлость», «ценз». Большей частью остались только фамилия, имя, отчество и социальное положение потенциального присяжного. Но в целом, никакого единообразия в оформлении таких списков не было. В различных уездах в один и тот же год списки могли выглядеть по-разному, разным был и объем заносимых туда данных. Где-то могли дополнительно указать данные о возрасте, где-то – о наличии образования и т.п. Нередко в списке не указывалось, к какому сословию принадлежит кандидат в присяжные, иногда по непонятной причине там значились только имя и отчество. В списке очередных присяжных по Керенскому уезду на первую очередь 1891 года, например, два номера 60 [5, д. 105, л. 2-5]. Зачастую в списки попадали лица старше максимального возраста для присяжного. И не только те, которым недавно исполнилось 70 лет. Так, на октябрьскую сессию 1914 года в городе Саранске к присяге был призван крестьянин 77 лет [4, д. 148, л. 241 об.].

Ситуация несколько изменилась после 1887 года, когда было принято несколько нормативно-правовых актов, усовершенствовавших работу по составлению списков присяжных. В частности, был увеличен имущественный ценз для лиц, получавших жалованье по службе, вознаграждение за труд или доход от капитала, занятия, ремесла или промысла. При этом земельный ценз в сельской местности был снижен. Был также введен образовательный ценз, и составление общих списков присяжных было изъято из ведения земства и возложено на должностных лиц, располагающих сведениями об имуществе и благонадежности лица, а также заинтересованных в надлежащем качественном составе суда присяжных.

И хотя эти преобразования, по мнению исследователей, не повлияли на репрессивность суда присяжных и характер выносимых вердиктов [3, с. 2], социальный состав жюри присяжных заседателей был несколько видоизменен.

* Диаграмма составлена на основании: Списки очередных присяжных заседателей по Пензенской губернии
// Пензенские губернские ведомости. 1890-1891 гг.

* Диаграмма составлена на основании: Списки очередных присяжных заседателей по Пензенской губернии
// Пензенские губернские ведомости. 1891-1892 гг.

В 1891-1892 годах количество крестьян – очередных составляло 36 и 38%, мещан – 18 и 17%, чиновников – 16%, купцов – 16 и 15%. Количество прочих социальных категорий остается незначительным. Вместе с тем, количество дворян вырастает по сравнению с 1871 годом в 4 раза – с 1 до 4 %. Количество крестьян в составе присяжных снизилось почти вдвое. Таким образом, среднестатистический присяжный 90-х годов – это грамотный крестьянин, мещанин, купец или чиновник.

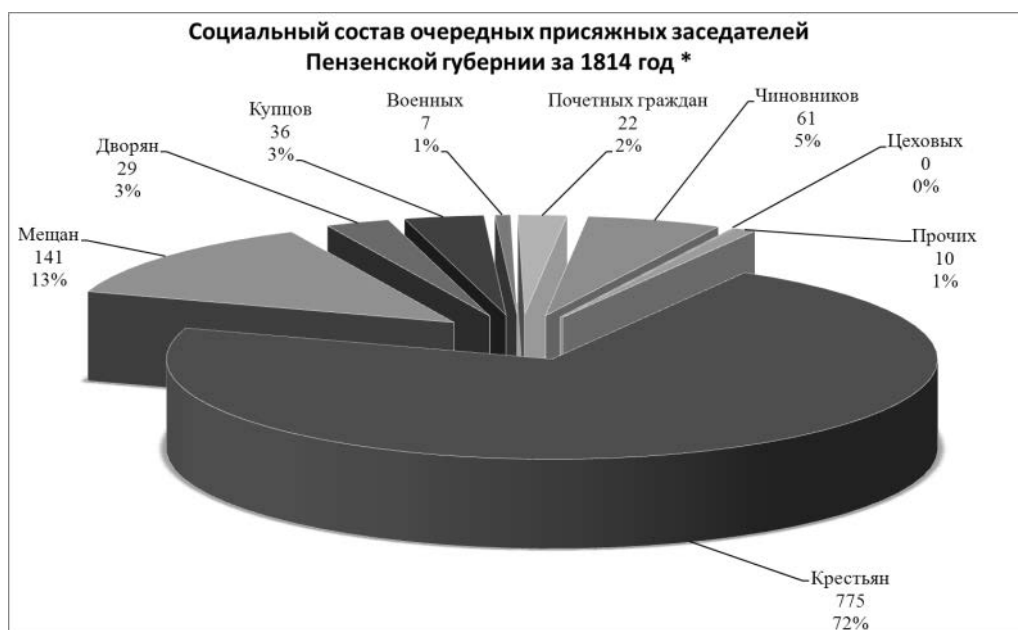
Следует отметить, что в Пензенской губернии чиновники зачастую занимали едва ли не первое место по численности среди присяжных. В 1877, 1891, 1892 годах их число в списках очередных присяжных всегда второе или третье по величине – после крестьян и иногда после мещан. В самом же городе Пензе и уезде количество чиновников в списках за исследованные годы стабильно превышает количество крестьян.

В соответствии с действующим законодательством в настоящее время чиновники так же, как и в дореволюционный период могут становиться присяжными заседателями. Нелогичность этого факта отмечается и

современными исследователями. «С одной стороны, к числу обстоятельств, препятствующих участию в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя, законодатель не относит замещение лицом должности государственной гражданской и муниципальной службы. С другой – по трудно объяснимым причинам закон запрещает участвовать в качестве присяжных заседателей лицам, осуществляющим частную детективную деятельность на основе специального разрешения (лицензии)» [7, с. 3].

В дореволюционное время чиновниками называли государственных служащих, которым присваивались чины в соответствии с табелью о рангах. Толковый словарь русского языка Ушакова содержит и другое, переносное определение этого слова: «Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ». Государственные служащие как в XIX веке, так и теперь, – это люди, в своей деятельности руководствующиеся, прежде всего, буквой закона. Государственная служба во многом формализует мышление человека. Там, где перед чиновником встанет выбор между законом и человеческим состраданием, он по привычке выберет закон. С этой точки зрения наличие большого количества чиновников среди присяжных заседателей нивелирует сам смысл этого государственного института как суда совести, а не права. Р. В. Багдасаров отмечает, что «при решении неюридических вопросов, судья, чей опыт после назначения на должность пополняется в первую очередь не наблюдениями из живой жизни, а функционированием в рамках юридической действительности, руководствуется по большей части не здравым смыслом, а навязанными ему обыкновениями судебной практики» [2, с. 4]. Сказанное о судьях можно отнести и к любому чиновнику, что исключает целесообразность их участия в суде присяжных.

Но вскоре количество чиновников среди присяжных заседателей снова начало уменьшаться, как и количество всех присяжных не крестьянского сословия.

* Диаграмма составлена на основании: Списки очередных присяжных заседателей по Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1913 г.

В 1914 году крестьян было 72%, еще больше, чем в 1877, мещан – 13%, остальные категории населения были представлены в жюри присяжных не более чем пятью процентами каждая. Таким образом, среднестатистический присяжный 1911-1917 годов – грамотный крестьянин или мещанин.

Возможно, виной этому было угасание интереса к суду присяжных и, как следствие этого, ослабление контроля за деятельностью комиссий по составлению списков присяжных, ведь именно от их работы зависело, из кого будут выбирать по жребию и кого затем вызовут в суд.

А вот дальнейший состав жюри зависел уже от самих избранных: все ли они явятся для исполнения своих обязанностей, не нужно ли будет искать кому-то замену.

Как и в столичных губерниях, жюри губернских уездов в провинции резко отличается по своему составу от остальных уездов, где около двух третей присяжных были крестьянами. В негубернских уездах находилось почти в шесть раз больше присяжных, чем в уездах губернских городов, что и обусловило преобладание крестьян в целом по стране [1].

«Обязанность быть присяжным заседателем тоже не вызвала прилива гражданского энтузиазма...» [12, с. 198]. Причины этого вполне очевидны. Как уже отмечалось, Пензенская губерния конца XIX – начала XX века имела все признаки, характерные для типичной российской глубинки, подавляющее большинство местных жителей было погружено в насущные проблемы, и отрываться от решения жизненных вопросов для участия в суде присяжных ни у кого не было ни сил, ни времени. Голод, детская смертность, водобоязнь (бешенство), падеж скота из-за сибирской язвы – вот с чем боролось подавляющее большинство крестьянского

населения губернии [8]. Как известно, многие из крестьян были настолько малоимущи, что у них не было средств содержать себя во время участия в работе суда. Поэтому их нежелание выполнять обязанности присяжных вполне очевидно. Более сложным представляется вопрос, почему обеспеченные категории населения – мещане, купцы, дворяне – также стремились избежать выполнения обязанностей присяжных. Видимо, это связано с общим укладом жизни в Пензенской губернии, нежеланием на время быть вырванным из него, в конце концов, с отсутствием интересных дел, которые могут быть рассмотрены в суде. Ведь основными видами преступлений, за которые судили присяжные в губернии, были обычные бытовые кражи, совершаемые, как правило, крестьянами. С. С. Хрулев указывал, что причиной многочисленных уклонений представителей привилегированных сословий от исполнения присяжной обязанности было нежелание испытывать здоровье отсутствием нормального сна и отдыха [14]. А. Ф. Кони также акцентировал внимание на том, что присяжные были вынуждены оставаться на ночлег в здании суда [6].

Самым распространенным способом избежать необходимости быть присяжным для чиновников (а их, как уже говорилось, среди присяжных в Пензенской губернии было очень много) было предоставить документ о срочной командировке, а для купцов и дворян – свидетельство о болезни, препятствующей исполнению обязанностей присяжного.

Списка конкретных заболеваний, препятствующих выполнению обязанностей присяжных, не существовало. Поэтому, выписывая свидетельства об «инфлюенции» или просто «общей слабости», врачи старались в подробностях описать, почему именно пациент не может быть присяжным: ему тяжело стоять, ходить, говорить и т.п. Например, «болен инфлюенцией и простудным бронхитом, не может выходить из дому» [4, д. 148, л. 66 об.] или «страдает приступами кишечных колик нервного происхождения; колики эти появляются внезапно, припадками, и во время них больной иногда до полудня не может стоять и ходить без боли» [Там же, л. 108]; «страдает общим отеком подкожной клетчатки, находящимся в зависимости от болезни печени, вследствие чего он не может выходить из своей квартиры, принимая к тому же в настоящее время горячие ванны для лечения своего болезненного состояния» [5, д. 104, л. 95].

Как правило, подобные медицинские свидетельства предъявляли мещане и купцы, чиновники обычно отсутствовали по долгу службы, а крестьяне освобождались от выполнения обязанностей присяжных заседателей только за невручением повесток.

Крестьянам избежать вызова в суд было сложнее всего. Даже работа в другой губернии, например, строительство церкви, не расценивалась как уважительная причина, поскольку суд не относил такие поездки к категории служебных командировок. Обратиться за выдачей свидетельства к хорошему врачу крестьяне тоже не могли. И потому вынуждены были при отсутствии желания все-таки идти в суд из страха быть оштрафованными.

Установление в законе штрафов было одним из основных способов обеспечения явки присяжных в судебное заседание. К сожалению, зачастую их величина была обратно пропорциональна знатности неявившегося присяжного. Например, в 1895 году в городе Пензе крестьянин, не прибывший в суд на апрельскую сессию из-за того, что уехал из города после получения повестки, был оштрафован на 50 рублей. А дворянин, не явившийся на сентябрьскую сессию также без уважительной причины – всего на 25 рублей. Дворянин, не пришедший в суд на весеннюю сессию в 1913 году в городе Наровчатке, получивший повестку о явке лично, был оштрафован на 10 рублей, а крестьянин, не явившийся на следующую сессию – на 25 рублей, хотя повестка была вручена не ему лично, а его отцу. Вряд ли следует ожидать объективности и продуманности вердикта от людей, явившихся в суд только под страхом штрафа.

Явление игнорирования избранными присяжными своих обязанностей называют абсентеизмом. При этом надо отметить, что в провинции уклонение от явки присяжных в суд в первые годы действия Судебных уставов было незначительным. Постепенно абсентеизм присяжных стал распространяться и в провинции. В Казани, например, в 1883 году число неявившихся составляло 22,5%, что иногда служило причиной перенесения заседаний суда из-за невозможности набрать 12 присяжных [1].

В Пензенской губернии неявка присяжных редко составляла более 20%, обычно не больше 10%, причем большая часть из отсутствующих имела уважительные причины для этого. Можно отметить, тем не менее, рост количества неявившихся присяжных с 3-5% в 70-е годы XIX века до 15-17% в 1914-1915 годы. Неявка в эти годы, впрочем, связана с мобилизацией многих потенциальных присяжных.

На мартовскую сессию суда в 1913 году в Наровчатском уезде из-за разлива реки опоздало 10 присяжных из крестьян. Им пришлось добираться в обход и верхом, но они явились на судебное заседание и были освобождены от денежного взыскания. При этом единственный избранный на сессию дворянин решил, что добраться до суда будет невозможно, потому не явился и был оштрафован на 10 рублей [5, д. 322, л. 125]. В определении суда было отмечено, что явка присяжных-крестьян доказывает тот факт, что доехать до суда возможность имелась, потому с дворянина и был взыскан штраф. Видимо, крестьянами в большей мере двигало стремление исполнить свой долг, нежели страх быть оштрафованными, ведь они добирались все вместе, в случае, если бы никто не явился, суд вполне вероятно счел бы причину уважительной, учитывая такую непогоду.

Одним из выявившихся недостатков деятельности суда присяжных в России в целом было взяточничество, или лихоимство. Для его преодоления присяжные должны были оставаться в здании суда с начала рассмотрения судебного дела до постановки вердикта. На деле же присяжных вместе со свидетелями зачастую отпускали по домам на все время перерывов. Доподлинно известно, что случаи взяточничества среди присяжных были и в Пензенской губернии [11, с. 2]. Но такие случаи не носили системного характера и не были чем-то свойственным только Пензенской губернии.

В целом, социальная структура жюри присяжных в Пензенской губернии отражает социальную структуру общества, то есть преимущественное число крестьян, небольшое количество дворян и перевес чиновников в губернском городе вполне объяснимы.

Представленная таблица позволяет проанализировать, в какие годы та или иная категория населения была представлена в жюри присяжных в большей или меньшей степени. Так, крестьян было больше всего в составе присяжных в 1877 году, затем количество их уменьшилось, а после 1905 года снова увеличилось. Именно в те годы, когда крестьян в жюри было меньше, увеличивалось количество дворян и чиновников, чтобы вновь уменьшиться после 1905 года. Но в Пензенской губернии за эти годы соотношение дворян и крестьян не претерпевало таких значительных изменений.

* Диаграмма составлена на основании: Списки очередных присяжных заседателей по Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1876–1914 гг.

Таким образом, мы видим, насколько сильно в провинциальной губернии социальный состав присяжных зависит от работы комиссий по составлению их списков. А «золотое время» Пензенского суда присяжных заседателей приходится на 80-е годы XIX века, когда социальный состав жюри был наиболее разнообразен.

Список литературы

1. Афанасьев А. К. Суд присяжных в России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 2 (11). URL: <http://www.strana-oz.ru/?article=459&numid=11>
2. Багдасаров Р. В. Суд с участием присяжных - суд совести и здравого смысла: сравнительно-правовой анализ [Электронный ресурс] // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Воронин А. В. Проблемы формирования вердикта в суде присяжных: исторический аспект [Электронный ресурс] // История государства и права. 2010. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Государственный архив Пензенской области. Ф. 42. Оп. 1.
5. ГАПО. Ф. 42. Оп. 5.
6. Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России: избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 640 с.
7. Ляднова Э. В. Правовое регулирование организации и функционирования института присяжных заседателей [Электронный ресурс] // Администратор суда. 2010. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Пензенские губернские ведомости. 1871.
9. Пензенские губернские ведомости. 1871. 18 августа.
10. Пензенские губернские ведомости. 1871. 01 сентября.
11. Пензенские губернские ведомости. Судебная хроника. 1885. 17 октября.
12. Попова А. Д. Правда и милость да царствуют в судах: из истории реализации судебной реформы, 1864 г. Рязань: Поверенный, 2005. 312 с.
13. Урлеков Н. В. Суд присяжных заседателей в Российской империи как результат Судебной реформы 1864 г. [Электронный ресурс] // Общество и право. 2009. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Хрулев С. С. Суд присяжных: очерк деятельности судов и судебных порядков // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 8. С. 1-74.

JURYMEN WITHIN PENZA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY: SOCIAL COMPOSITION EVOLUTION

Ol'ga Evgen'evna Gromikova
Department of State-Legal Disciplines
Penza State University
gadfly1984@mail.ru

The author reveals the features of pre-revolutionary jury social composition within Penza province in the dynamics of its development and pays special attention to the analysis of the reasons of one or another population category representatives' predominance in jury.

Key words and phrases: jury court; qualifications; commission on jury empanelling; social composition; absenteeism.

УДК 130.2; 173

Статья раскрывает причины, сущность и следствия влияния женского журнального чтения на женские нравы. Основное внимание уделяется анализу трансформации патриархальных представлений женщин Юго-Восточной Азии о доме, образовании, карьере, семье, мужчинах в представления эмансипированные и либеральные; делается вывод, что в процессе чтения международных женских журналов происходит не только формирование образа «новой женщины», но и становление нового образа жизни, а также новых рутинных форм организации повседневности и осуществления жизнедеятельности женщин в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова и фразы: женские журналы; женские нравы; женское чтение; гендерное равенство; глобализация; либерализация; феминизм.

Маргарита Юрьевна Гудова, к. филос. н., доцент
Кафедра этики, эстетики, теории и истории культуры
Уральский федеральный университет
MargGoodova@gmail.com

ЧТЕНИЕ ЖЕНСКИХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВОВ ЖЕНСКОГО ЧИТАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА: ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ[©]

Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (ГК № П433 от 12.05.2010 г.).

Женские глянцевого журналы, проникая в страны модернизирующейся экономики, оказывали существенное влияние на сознание не только российских женщин, но и читательниц из стран Юго-Восточной Азии. Местная исследовательская рефлексия данных процессов в разных странах протекала по-разному. Например, в России вопросы влияния женских глянцевого журналов на сознание, бессознательное и нравы российских читательниц представляют серьезный интерес для философов, психологов, культурологов; обстоятельных же отечественных социологических исследований в данной области нам найти не удалось. Напротив, в странах Юго-Восточной Азии (прежде всего Китая и Тайваня) и Индии исследований социологического характера о влиянии СМИ и собственно глянцевого журналов на местные женские нравы достаточно много, и они сами становятся предметом обобщения и рефлексии. Стоит упомянуть хотя бы комплексный анализ результатов исследований зарубежных женских проектов Фонда им. Генриха Белля, осуществлённый Бирте Роденберг и Кристой Вихтерих.

Исследовательницы выяснили, что влияние женских журналов на формирование самостоятельного и рационального женского сознания в развивающихся странах, во-первых, велико, во-вторых, имеет свою специфику в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Международные женские журналы ведут, по мнению этих авторов, большую просветительскую работу в сфере экономики, культуры, политики, психологии, домоводства. Образование женщин, в этой связи, рассматривается исследователями института Г. Белля как существенный шаг по эмансипирующему формированию женщины как сознательного правового, политического и экономического субъекта, борющегося за свои права [4].

В частности, процессы модернизации женского сознания и женских нравов в процессе чтения женских журналов в Тайване исследованы Ф.-Ч. Иреной Янг [3], в Индии – Ручирой Гангули Скрейз [2].

Как пишут эти авторы, «журнальная» революция произошла в странах Юго-Восточной Азии в 1980-х – первой половине 1990-х годов. Международные издательские дома активно вовлекали в свою деятельность местных инвесторов. Местные издательские гиганты, в свою очередь, чтобы захватить рынки, привлекали в союзники транснациональные издательские компании. В результате, в странах Юго-Восточной Азии –